

УДК 93/94

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-3

Пенская Т. М. | **Le gouvernement est encore le seul Européen de la Russie...**
О концепции «Русского момента» Маршалла Т. По¹

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; penskaya@bsu.edu.ru

Аннотация. История изучения процессов модернизации государства и общества и перехода от традиции к модерну в России прошла долгий путь. Исследователи разных школ и направлений предлагали самые разнообразные объяснения феномену русской модернизации, пытаясь ответить на вопрос, действительно ли Россия смогла пройти этот путь до конца и в чем своеобразие русского варианта модернизации. Естественно, что, обсуждая эту проблему, большинство ученых-гуманитариев рассматривали ее с европоцентричных позиций, помещая Россию, в зависимости от традиций школы, к которой они принадлежали, или в европейский контекст, или в азиатский. Американский историк Маршалл По в своей книге о «Русском моменте» в истории, которая стала бестселлером, попробовал дать оригинальный ответ на вопрос – почему Россия, в отличие от других раннемодерных неевропейских империй, смогла добиться успеха на пути модернизации при том, что стартовые условия у нее были неблагоприятны. Секрет успеха России, которая, по мнению М. По, и не Европа, и тем более не Азия, заключался в том, что русская военная элита сумела создать политический режим (самодержавие как идеальную форму монархии, доведенную до абсолюта), обеспечивший мобилизацию скудных российских ресурсов для противостояния экспансии Запада. Попутно самодержавие, как считал М. По, соответствующим образом перестроило русское общество, прибегнув к методам изоцированной социальной инженерии. Концепции М. По не откажешь в стройности, логичности и убедительности, но, как показывает автор рецензии, в погоне за эффектным изложением автор «Русского момента» преднамеренно опустил ряд существенных деталей русского исторического процесса. В результате при пристальном рассмотрении его концепции оказывается, что она страдает рядом врожденных изъянов, ставящих под сомнение всю ее целиком и, как считает автор рецензии, делает ее не более чем любопытным историографическим артефактом.

Ключевые слова: Средневековье; Новое время; традиция; модернизация; реформы; власть; общество; самодержавие; автократия; Россия

Для цитирования: Пенская Т. М. *Le gouvernement est encore le seul Européen de la Russie...* О концепции «Русского момента» Маршалла Т. По // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 3. С. 27-50. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-3

¹(По, 2023). Первое издание: (Рое, 2003). Отметим, что перевод оригинального издания выполнен в целом вполне адекватно, почему дальше мы и будем ссылаться на русское издание, а не на оригинал текста. Отметим также, что «Русский момент» стал развитием тезисов, изложенных М. По в 2002 г. в работе «Правда о Московии» (Рое, 2002).

T. M. Penskaya

**Le gouvernement est encore le seul Européen de la Russie...
About the concept of the “Russian moment” by Marshall T. Poe**

Belgorod State National Research University,
85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation; penskaya@bsu.edu.ru

Abstract. The history of studying the processes of modernization of the state and society and the transition from tradition to modernity in Russia has come a long way. Researchers from different schools and directions have offered a wide variety of explanations for the phenomenon of Russian modernization, trying to answer the question of whether Russia was really able to go this route to the end and what is unique about the Russian version of modernization. Naturally, when discussing this problem, most humanities scholars viewed it from a Eurocentric position, placing Russia, depending on the traditions of the school to which they belonged, either in a European context or in an Asian one. The American historian Marshall Poe, in his book about the “Russian moment” in history, which became a bestseller, tried to give his original answer to the question – why Russia, unlike other early modern non-European empires, succeeded on the path of modernization, given that the starting conditions were unfavorable to her. The secret of the success of Russia, which, according to M. Poe, is not Europe, and especially not Asia, was that the Russian military elite was able to create a political regime (autocracy as an ideal form of monarchy, brought to the absolute), which ensured the mobilization of the meager Russian resources to resist Western expansion. Along the way, the autocracy, as M. Poe believed, restructured Russian society accordingly, resorting to methods of sophisticated social engineering. M. Poe’s concept cannot be denied of harmony, logic and persuasiveness, but, as the author of the review shows, in pursuit of an effective presentation, the author of “The Russian Moment” deliberately omitted a number of essential details of the Russian historical process. As a result, closer examination of his concept reveals that it suffers from a number of inherent flaws that cast doubt on its entirety and, according to the author of the review, make it nothing more than a curious historiographical artefact.

Keywords: Middle Ages; Modern Age; tradition; modernization; reforms; power; society; autocracy; Russia

For citation: Penskaya T. M. (2024), “Le gouvernement est encore le seul Européen de la Russie... About the concept of the “Russian moment” by Marshall T. Poe”, *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (3), 27-50, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-3-0-3

В минувшем году издательство «Весь мир» опубликовало русский перевод эссе известного американского историка-русиста Маршала Т. По «Русский момент в мировой истории». Написана она была в начале нулевых годов этого столетия, опубликована в 2003 г. и, по утверждению автора, стала своего рода эпилогом его

четвертьвековых изысканий в области русской истории. Как писал автор в предисловии к русскому изданию, «я изучал Россию на протяжении 25 лет и, по моему ощущению, сделал в этой области все, что собирался». Решив расстаться с занятиями русистикой, «соскочить» с темы, продолжал он далее, По счёл, что теперь

«наконец смогу написать то, о чем не раз думал, но о чем не писал, и сумею это сделать по-новому» (По, 2023: 9).

Заметим, что появлению «Русского момента» предшествовала статья «Правда о Московии» (Рое, 2002: 473-486), опубликованная годом ранее и вызвавшая реакцию ряда американских русистов (Halperin, 2002: 501-507; Kivelson, 2002: 487-489, and others). Надо полагать, что М. По в ответ на критические замечания решил расширить и дополнить свою аргументацию и доработал эту небольшую статью в более внушительный текст. Как определил сам историк цель своего нового исследования и аудиторию, к которой он обращается?

Во введении автор «Русского момента» формулирует ответы на эти вопросы. Он пишет, что «граждане демократической страны обладают всей полнотой власти в государстве и исполняют вытекающие из этого обязанности. Им необходимо знать свою историю и историю других народов», и это их право. Однако, продолжал дальше По, «профессиональные историки (и себя он не отделяет от этого сообщества. – Т.П.) <...> свою работу не выполняют», так как «они не умеют рассказать согражданам о наиболее важных исторических предметах так, чтобы это было интересно». Исторические монографии и очерки этой задаче, по мнению историка, не соответствуют, и потому, пишет По, «я хочу сделать то, что, по моему мнению, никто пока не сделал», а именно «доступно объяснить несведущему читателю, почему Россия встала на собственный путь развития; показать, какое значение для мировой истории имела ее эволюция и какими последствиями чреват для будущего России ее современный коллапс... (напомним, что книга была закончена в самом начале нулевых, когда будущее России представлялось в весьма мрачных красках. – Т.П.)» (По, 2023: 16). Поэтому, продолжал дальше М. По, «моей целью было просто изложить все, что я

знаю о ходе русской истории, в возможно более краткой книге, написанной телеграфным стилем (курсив мой. – Т.П.) ...» (По, 2023: 16).

Итак, желание доступно и просто объяснить несведущему читателю особенности исторического пути России определили форму предпринятого М. По исследования. Его работа представляет собой не столько традиционную, написанную в академическом стиле и оснащенную обширнейшим научно-справочным аппаратом монографию (что, на наш взгляд, неправильно – списка если не использованной, то хотя бы рекомендованной литературы в «Русском моменте» явно не хватает), сколько обширное концептуальное эссе, написанное в заведомо провокационном стиле. Исследователь намеренно заостряет свои тезисы, порой ставя в тупик читателя противоречащими друг другу утверждениями и подвергая жесткой критике устоявшиеся в историографии мнения и концепции.

Насколько автору «Русского момента» удалось выполнить свой замысел и «тряхнуть Москву», выступив возмутителем спокойствия в мире западной и отечественной русистики? В известном смысле удалось. Оригинальность подхода к анализу ключевых моментов русской истории и основных направлений ее развития вкупе с не менее оригинальной формой изложения концепции не остались незамеченными. Выход в свет «Русского момента» немедля вызвал к жизни поток рецензий и отзывов ведущих западных историков-русистов – даже беглый просмотр историографических разделов ведущих журналов дает полтора десятка отзывов, среди авторов которых такие авторитетные русисты, как М. Перри, Дж. ЛеДонн, Р. Хелли, П. Дьюкс, Д. Брауэр (Brower, 2003: 389-391; Dukes, 2006: 428-429; Hellie, 2005: 1163-1166; LeDonne, 2005: 130-132; Pettie, 2004: 553-555 и др.). Естественно, что и разброс мнений был весьма широким – от выдержанных во

вполне дружелюбном тоне, как, например, рецензии Р. Легволда (Legvold, 2004: 180), до довольно критических, как, например, отзыв Д. Кристиана (Christian, 2004: 880-881). Но все рецензенты отмечали, что при всех недостатках и уязвимых местах «Русского момента» (во многом, на наш взгляд, обусловленных как формой изложения, которая неизбежно вела к широким обобщениям, а дьявол, как известно, кроется в деталях, – так и стремлением автора эссе вложить в краткий объем без малого две тысячи лет русской истории) это оригинальное исследование заслуживает внимания и широкого обсуждения.

Посмотрим теперь, насколько восприняты были идеи М. По в России. Краткий дайджест «Русского момента» появился на свет уже в 2005 г. в реферативном журнале «Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература», издаваемом ИНИОН РАН (Большакова, 2005: 28-39). Довольно объемистый десятистраничный реферат позволял читателю составить в целом полноценное представление о концепции американского исследователя, одно из важнейших положений которой гласит, что «Россия стала единственной из традиционных империй раннего Нового времени, которой удалось отстоять свою независимость перед лицом европейской гегемонии. Российская элита сумела выработать свой собственный механизм модернизации, отличный от европейского, и достигла серьезных успехов в экономическом, культурном и военном отношении, и при этом, в отличие других государств, не стала ни партнером, ни клиентом Европы» (Большакова, 2005: 29).

Казалось бы, при такой постановке вопроса российское историческое сообщество должно было обратить особое внимание на «Русский момент», однако этого не произошло. Нет, сказать, что эссе М. По было проигнорировано, нельзя (см., например: (Узлов, 2011: 34)), однако выход «Русского момента» не вызвал оживленной

дискуссии. Возможно, сложившаяся ситуация связана с необычной формой изложения и с тем, что оригинальный текст не только написан на английском языке, но и долгое время был относительно труднодоступен для основной массы отечественных исследователей, особенно в провинции (как правило, если они и используют работы зарубежных авторов, то не на языке оригинала, а в русском переводе). Будем надеяться, что теперь, по прошествии 20 лет, когда «Русский момент» переведен на русский язык, пусть и с серьезным запозданием (фактически можно говорить о том, что за это время выросло новое поколение историков, политологов, культурологов), обсуждение основных положений выдвинутой американским исследователем теории все же состоится.

И кажется, это обсуждение уже началось. И.И. Курилла, известный представитель либерального «дискурса» в отечественном историческом сообществе, дал свою оценку «Русскому моменту» и концепции Маршалла По на интернет-портале «Горький» (Курилла, 2024). Критик отметил, помимо прочего, что это «развернутое эссе», не являясь классической академической монографией, пользуется определенной популярностью – оно присутствует в списке рекомендованной литературы в 70-ти курсах, преподаваемых в англоязычных университетах. Но есть в этой концепции одно уязвимое место, продолжал далее рецензент: «Если мы не согласимся с постулируемым По исключением России из Европы, а представим ее одной из европейских держав, то самой проблемы в том, что она не оказалась подчинена Европой, не будет. Она и была Европой, а отношения между европейскими империями подчинялись другим международным закономерностям. Но тогда все красивое построение о полутысячелетнем “русском моменте” окажется под вопросом».

С таким утверждением можно было бы согласиться и на этом поставить точку – раз нет предмета обсуждения. Но есть одно «но», которое не позволяет это сделать. Да, конечно, русская элита, политическая и интеллектуальная, последние по меньшей мере два с половиной столетия позиционировала себя как часть элиты европейской, и связанные с этим позиционированием настроения со временем проникали все глубже и глубже в толщу общества. Но, говоря о подобного рода вещах, следует, на наш взгляд, всегда помнить о том, что подобного рода процесс идентификации носит двусторонний характер. Россия может считать себя Европой, но считает ли Европа (и Запад в целом) Россию частью своего «райского сада»? И ответ на этот вопрос стоит признать отрицательным, поскольку, как отмечал Л. Вульф (упомянутый, кстати, И.И. Куриллой), не Россия изобретала и навязывала концепт «Европы» как синонима «цивилизации» и «культуры» (Вульф, 2003). А в таком случае аргумент «против», приведенный Куриллой, следует полагать недействительным – Россия не Европа, как пишет Маршалл По, но и не Азия, «*Россию будет гораздо легче понять, приняв постулат о том, что она представляет собой явление культурно sui generis и исторически обособленное ...* (курсив мой. – Т.П.)», ибо она «возникла в той части света, в которой ранее не было цивилизаций и от которой современные ей цивилизации находились очень далеко», и «Россия сразу оказалась отдаленной от них во времени и пространстве» (По, 2023: 13).

Мы не случайно выделили именно это место. Собственно говоря, это один из ключевых тезисов в концепции исследователя, посредством которого он далее будет объяснять «инаковость» России и причины, по которым в итоге сложился особый русский цивилизационный путь, *Sonderweg*, и это то, что отличает Россию от Европы. Маршаллу По не откажешь в наблюдательности, ибо если европейский

«райский сад» сложился в пределах греко-римской Ойкумены, то территории, на которых впоследствии сложилось Русское/Российское государство и общество, находились на очень дальней периферии этой ойкумены, куда культурные и цивилизационные импульсы практически не доходили. И даже позднее, когда Русь попала в орбиту влияния «Византийского содружества» (Оболенский, 1998), все равно она оставалась медвежьим углом христианского мира, унаследовавшего в большей или меньшей степени античную цивилизационную традицию, выстраивая на этой основе свою идентичность. Великая схизма 1054 г., расколовшая доселе более-менее единый христианский мир на западную и восточную части, только усугубила ситуацию – религиозные отличия способствовали формированию восприятия русских европейцами как «других», равно как и русские воспринимали европейцев как «иных», о чем писал, к примеру, И. Нойманн (Нойманн, 2004). В этой связи нельзя не отметить наблюдения относительно особенностей рецепции византийского культурного наследия на Руси, расходящиеся с доминирующей в историческом сообществе (и в массовом историческом сознании) точкой зрения на Византию как на культурную метрополию по отношению к Руси, которые сделали отечественные исследователи В.М. Живов и С.А. Иванов (См.: Иванов, 2003; Живов, 2002: 73-115).

Итак, американский историк уверен в том, что правящая элита Русского/Российского государства сумела выработать свой *Sonderweg*, свой вариант модернизации (По, 2023: 149), который позволил ей на протяжении веков успешно сдерживать европейский экспансионизм. Как так получилось, почему именно Россия, а не, к примеру, Китай (который, как справедливо указывал По, «во времена династий Мин и Цинь экономически, технически и в военном отношении (до

появления у европейцев огнестрельного оружия) стоял на уровне других государств Западной Евразии» (По, 2023: 110)), сумела создать свой «момент»? В последующих главах Маршалл По поэтапно формулирует свой ответ на этот вопрос.

Прежде всего автор «Русского момента» отвечает на вопрос «Что такое Россия и чем она не является» – этому посвящена первая глава его эссе. По винит бесчисленное множество «средневековых монахов, книжников эпохи Возрождения, беллетристов эпохи Просвещения и нестройному хору современных ученых, знатоков и негодяев», которые смело брались за разгадку русской тайны, но лишь немногие сумели внести действительно стоящий вклад в это сложное дело. «Многое же, увы, никаких ценных сведений не несет.., – подчеркивал дальше По, – поэтому будет более чем уместным в нашем исследовании отбросить этот груз, чтобы получше разглядеть подлинное лицо России и ее народа» (По, 2023: 17).

Утверждение, согласимся, более чем смелое, ибо оно намекает открытым текстом на то, что значительная часть западной *Rossica* (как старой, так и современной) сформирована бэконовскими «идолами пещеры» и потому откровенно непригодна в качестве основы для дальнейших исследований в области русской истории, цивилизации и ментальности. Среди этих «идолов пещеры» По на первое место ставит, по его собственному выражению, «глупость», согласно которой русские некоторым образом предрасположены к авторитарному образу правления. Сделав столь категоричное утверждение, историк приводит и неопровержимое доказательство своей правоты: «Не будет преувеличением сказать, – пишет он, что демократическое правительство (в нашем понимании) является исключительно порождением Европы эпохи модерна» и «вплоть до недавнего появления демократического национального

государства европейского образца (а также оружия, способного его поддержать и распространить на иные земли), *правительство*, по сути своей, означало *недемократическое правление*». Россия в этом плане, делает вывод По, не отличалась от остального мира (По, 2023: 18).

Второй «идол», на который ополчился исследователь, – утверждение, что русским присуще особенное стремление к территориальной экспансии посредством войны. Да, пишет По, территория России за время ее существования существенно увеличилась, и преимущественно военным путем, «однако утверждать, что русские по своей природе – нация империалистическая и при этом единственная в таком роде, можно, только надев исторические шоры», поскольку «истина состоит в том, что почти все государства воевали и расширились». Правда, воинственность и экспансионизм прежних государств По выводит из того, что, по его мнению, «вплоть до конца XIX в. во главе государств преимущественно стояли военные», почему и «русская правящая элита вела себя точно так же, как любой другой военный правящий класс: она сражалась с подобными себе противниками за славу и пространство», при этом, подчеркивал исследователь, русская экспансия была направлена на территории малонаселенные, на которых обитали туземцы с традиционным образом жизни. В случае экспансии в западном направлении, «в сторону густонаселенной, хорошо организованной, технически оснащенной Европы, они (русские. – Т.П.) неизменно терпели неудачу» (По, 2023: 18-19), или же их успехи носили временный характер. Заметим, что и для европейской экспансии была характерна такая же особенность – внутри самой Европы территориальные границы более или менее устоялись в эпоху Модерна, и с тех пор особо не передвигались, если не считать образования национальных государств во

второй половине XIX – первой половине XX вв.

Третий «идол» Бэкона, с которым сражается По, это представления о каком-то особенном, присущем русским, врожденном мессианизме. «Русское мессианство есть плод размышлений начитавшихся Гегеля русских историсоффов конца XIX в.», которые, как полагает По, «неправильно истолковав ряд довольно расхожих текстов XVI в. касательно *translation imperii*..., выдумали, что московиты считали себя истинными наследниками Римской империи, чье предназначение – спасение мира». «К счастью, – продолжал историк, «все меньше и меньше людей воспринимали такое *напыщенное пустословие* (курсив мой. – Т.П.) всерьез, особенно когда стало ясно, что цели Кремля (и тогда и теперь) скорее земные, нежели духовные» (По, 2023: 19-20).

Покончив с этими «идолами», По переходит к главному, по его мнению, заблуждению относительно России. Россия – это не Европа, беспепелляционно заявляет он, и «то, что Россия в итоге оказалась в Европе, есть следствие исторической случайности, а именно геополитического превосходства Европы, навязавшей миру свои собственные географические понятия». Однако Россия и не Азия, утверждает историк, так как «концепция единой Азии полностью искусственна; она есть грубое порождение европейского империалистического высокомерия, склонного стричь все под одну гребенку (и как тут не вспомнить нашумевший в свое время «Ориентализм» Э. Саида [(Саид, 2006)] ...)» (По, 2023: 23). А раз Россия не Европа и в то же время не Азия, то кто же она в таком случае? По уверен в том, что Россия является *российской*. Стоит заметить, что в таком мнении М. По не одинок – так, французский историк А. Берелович в 2001 г. писал о том, что русских раннего Нового времени отделяло от их современников в Европе «иное понимание

пространства, времени, отношений между людьми и институтами, которые этими людьми управляют» (См.: Berelowich, 2001).

Связано эта «русскость», по его мнению, далеко не в последнюю очередь с тем, что изначально «Россия оставалась обособленным, северным княжеством, удаленным от основных торговых путей и, таким образом, от великих цивилизационных источников, существовавших в Европе, на Ближнем Востоке, в районе Амударьи и в Восточной Азии (курсив мой. – Т.П.)» (там же). С этим утверждением американского исследователя можно в равной степени и согласиться, и не согласиться, поскольку степень изоляции Руси от окружающего мира По явно преувеличивает, так как формирование раннесредневекового Русского государства происходило на перепутье двух великих торговых путей, связывавших север Европы, циркумбалтийскую культурно-цивилизационную общность, с Средиземноморьем через «путь из варяг в греки», и со Средней Азией по Волге (Древнейшие государства Восточной Европы, 2017; Лебедев, 2005). Другое дело, что впоследствии, во время кризиса XIII в., реконфигурация торговых маршрутов способствовала определенной изоляции части Русской земли, прежде всего северо-восточной, да и то степень этой изоляции не стоит преувеличивать (см., например: Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга, 2005; Русь и Восток в IX–XVI веках. Новые археологические исследования, 2010)).

В результате восточные славяне как первопроходцы на территории, которая станет ядром Русского государства, принесли с собой «самое поверхностное знание иудео-христианских и греко-римских традиций, которые в глубинно-историческом смысле являются основанием европейскости», но при этом «они ничего не знали о классических культурах Ближнего Востока, Центральной

Азии, Индии или Китая» (По, 2023: 24). Этот тезис относительно культурно-исторической обособленности России М. По повторяет раз за разом, и вряд ли этот повтор можно отнести на счет его невнимательности и пренебрежения окончательной редактурой текста. Сделано это, очевидно, сознательно, именно в расчете на тех же студентов, которым в руки попадет это эссе – повторение, как известно, мать учения, особенно если речь идет о фундаментальных тезисах, определяющих самую глубинную, «ядерную» сущность концепции автора.

Во второй главе своего эссе М. По анализирует предысторию Русского государства, начав с эпохи Великого Переселения Народов и славянской миграции с исторической прародины к северу от Дуная на территорию Восточной Европы. Здесь историк отмечает любопытную особенность, присущую предкам русичей. «Славяне были необычайно динамичны», – пишет он, и, развивая далее свою мысль, указывает, что им удалось сделать то, на что оказались не способны ни их предшественники, ни соседи, а именно – «создать сельскохозяйственные поселения в очень неблагоприятных условиях европейского северо-востока» (По, 2023: 28).

Стоит заметить в этой связи, что еще С.М. Соловьев писал о том, что «природа для Западной Европы, для ее народов была мать; для Восточной Европы, для народов, которым суждено было здесь действовать – мачеха» (Соловьев, 1991: 8). В работах отечественных историков в последующие десятилетия, как в советское, так и в постсоветское время, этот тезис получил дальнейшее развитие (Дулов, 1983; Кульпин, 1995; Милов, 2001 и др.), хотя разделялся и не всеми исследователями. Так, например, Б.Н. Миронов писал, что «хотя того сторонники географического детерминизма или нет, но природа под их пером превращается в своего рода “козла отпущения” и на нее взваливается вина за культурную и экономическую отсталость,

за недостатки политического и общественного устройства страны...» (Миронов, 2003: 58).

Конечно, по мере развития общества и с переходом от аграрных цивилизаций первой волны к индустриальным второй (Э. Тоффлер) зависимость от природных условий снижается (но никогда не исчезает полностью), однако никто не смог опровергнуть тезис, выдвинутый Л.Н. Гумилевым: «Как бы ни была развита техника, все необходимое для поддержания жизни люди получают из природы...» (Гумилев, 2001: 8). И для традиционных аграрных культур зависимость от природно-климатических условий носит самый прямой и непосредственный характер. Относительная бедность Восточно-Европейской равнины природными ресурсами неизбежно налагала серьезные ограничения на развитие как общества, так и государства. Невысокий уровень получаемого прибавочного продукта не позволял создавать и поддерживать нормальное функционирование сложных политических и социально-экономических систем, вынуждая восточных славян и их потомков искать паллиативные пути выхода из создавшейся сложной ситуации, расходуя на это и без того ограниченные ресурсы. Остается только снова пожалеть об отсутствии в «Русском моменте» хотя бы краткого списка литературы, которую использовал М. По при написании своего эссе: любопытно было бы узнать, знаком ли он, к примеру, с «Великорусским пахарем» Л.В. Милова. Во всяком случае, в тексте второй главы нетрудно найти параллели между той негативной характеристикой, данную По природно-климатическим условиям, в которых приходилось действовать славянам-первопоселенцам на территории Восточной Европы (По, 2023: 31-32), и аналогичными положениями труда Л.В. Милова.

Любопытным представляется сравнение восточных викингов (надо полагать, прежде всего свеев) и западных

(данов и норвежцев), сделанное М. По. «Деятельность западных викингов базировалась на ветшавших остатках старой имперской инфраструктуры, тогда как восточные викинги должны были начинать на голом месте», почему западные викинги для По – наследники, а вот восточные (как и восточные славяне) – первопроходцы, со всеми вытекающими отсюда последствиями и для государства, и для культуры (По, 2023: 35-37).

Тем не менее, подчеркивал американский исследователь, несмотря на все трудности, связанные с климатом; бедность на природные ресурсы; примитивность аграрного сектора как основы экономики раннесредневековой Руси, необходимость вести постоянные войны с накатывавшимися со стороны Великой Степи волнами кочевников (от нашествия которых Европа после вторжения мадьяр в начале X века была надолго избавлена); русичи и их правящая элита сумели справиться с этими трудностями и создали, по словам По, авторитетную западноевропейскую империю. Правда, несколькими абзацами далее в присутствии ему парадоксальном и противоречивом стиле историк называет Русь «мелким и отсталым государством» (По, 2023: 39). Отсталым, в каком-то смысле, может быть и да, если сравнивать его с той же Византией, но мелким?

Эта империя, переживавшая внутренний кризис с XII века, в следующем столетии получила смертельный удар со стороны другой группы кочевников, пишет По, но тут же делает весьма симптоматичную оговорку. Эта точка зрения набирает число сторонников и в отечественном историческом сообществе в последние десятилетия – с легкой ли руки Л.Н. Гумилева? (И снова вопрос, знаком ли М. По с его трудами и с его концепцией?) Основательно раскритикованная, эта идея, тем не менее, запустила серьезную дискуссию, которая не закончилась и по сей день (Кривошеев, 1999: 93-160). Исследователь разоблачает очередной миф

о русской истории – миф о монгольском иге. Это «иге», полагал По, было результатом попытки «несколько запутавшихся историков и философов» объяснить, почему, казалось бы, Россия как европейская страна, сошла с «истинного пути западного развития» (По, 2023: 39). Монголы представляли собой удобную причину, посредством которой можно было объяснить такой поворот в русской истории. Однако, считал автор «Русского момента», монголы «едва ли <...> были столь уж гнетущей силой, какой их изображают русские летописи или националистическая российская историография», так как «помимо финансовых тягот (возможно, возмещавшихся ростом торговли внутри *Rax Mongolica*) и привнесением механизмов принудительно-административного регулирования, монголы вряд ли оказали какое-либо существенное влияние на Русь» (По, 2023: 41).

Мысль, что и говорить, выглядит весьма дерзкой и вызывающей невольное отторжение – перефразируя известное выражение, «монгольское иго – как много в этом звуке для сердца русского слилось, как много в нем отозвалось!». Однако если попробовать взглянуть на эту проблему в сравнительно-историческом разрезе, сравнивая положение русских земель под властью ханов Золотой Орды с ситуацией, которая сложилась, к примеру, в той же Средней Азии или в Половецкой степи, то тезис По не будет столь дерзким. Батый и его преемники не стали полностью переформатировать под себя внутреннее устройство Русской земли (за исключением южной Руси), сохранили местную элиту (князья довольно быстро приспособились к новому порядку, используя его в своих целях) и обычаи (в том числе правовые), церковь даже выиграла от установления ордынского правления. Единственный, кто проиграл, это русский мужик, на которого легли дополнительные поборы и повинности, он же расплачивался своей

жизнью и свободой в межкняжеских разборках и во время карательных походов ордынцев. В общем, в какой-то степени М. По был прав, когда писал о том, что «монголы были своего рода землевладельцами-лендлордами, живущими вдали от своей собственности: пока вы аккуратно вносите квартплату, вас не трогают». Московские князья, похоже, поняли это раньше других, и с этого момента началось их восхождение (По, 2023: 24).

Третья глава «Русского момента» носит характерное название «От Руси к России» (снова на память приходит одна из работ Л.Н. Гумилева с таким же заголовком (Гумилев, 2016)). Начинает ее американский историк с очередного парадокса, отметив, что на протяжении длительного времени принято было считать, что Московское государство было наследником государства Древнерусского и что в таком утверждении есть элементы истины (sic-!). Однако дальше По доказывает, что *Translatio Imperii* из Киева в Москву – не более чем выдумка. Конечно, если рассматривать исторический процесс прямолинейно, то так оно и будет, однако наш автор в этом случае снова лукавит, опуская ради красоты концепции ряд звеньев цепочки. Ведь вплоть до 70-х гг. XIII в. не кто-нибудь, но владимирские князья, потомки Юрия Долгорукого, сына Владимира Мономаха, считались, пусть и номинально, но киевскими князьями, и в Киеве сидели их наместники. И тогда же Москва стала столицей удела младшего сына Александра Невского Даниила Александровича, который, согласно лестничному праву (о котором По знает), в свое время мог бы претендовать на киевский стол. Так что претензии московских князей, прямых потомков Владимира Мономаха, на Киев и прочие города западной и южной Руси как неотъемлемой части «Ярославова наследия» имели под собой серьезные по тем временам основания, и в каком-то

смысле *Translatio Imperii*, пусть и виртуально, но все же имело место.

Точно так же лукавит По и тогда, когда утверждает, что «будет правильнее предположить, что Москва стала наследницей Сарая, столицы отдельной части Монгольской империи – кипчакского ханства (или Золотой Орды, как она именуется в российских источниках)» (как тут не вспомнить статью М. Чернявского «Хан или василевс!» (Cherniavsky, 1959: 459-476)). «Кипчаки покровительствовали московским князьям, по сути, заключив с ними взаимовыгодное соглашение: кипчаки признали верховную власть Москвы на Руси, за что последние обязались исправно поставлять дань» (По, 2023: 45), – писал далее автор «Русского момента», ради красоты концепции опуская ряд существенных подробностей политических отношений князей Северо-Восточной Руси и ордынских «царей» в первой половине XIV в. и в особенности в последующие полтора столетия, до начала XVI в., когда с падением Большой Орды пресловутое «иго» рассеялось.

Без особого труда в этой главе находит внимательный читатель, хорошо знакомый с перипетиями русской истории удельного периода, еще одно лукавство американского историка. Речь идет о «собирации земель», которое он полагает очередным мифом «в пантеоне священных русских исторических мифов», основу которого заложили «высокопарные сочинения московских монахов», некритично воспринятые «русскими националистическими историками» (По, 2023: 47). Вообще-то, скорее речь нужно вести о двух параллельно продвигавшихся процессах. С одной стороны, это пресловутое «собираение земель», когда московские князья, пользуясь тем, что они были еще и верховными суверенами на северо-востоке Руси, великими князьями владимирскими, разными способами расширяли пределы своего «домена». При этом стоит подчеркнуть, что, если следовать логике М. По, то возвышение

Москвы было случайностью, и на ее месте вполне могла бы оказаться та же самая Тверь. Как тогда повернулась бы история Русского государства? Появился бы «Русский момент» или нет? Сам По рассматривает такую вероятность в последней главе, но без особого энтузиазма, полагая, что главный секрет успеха московской ветви Рюриковичей носил субъективный характер и определялся особой талантливостью московских великих князей (По, 2023: 109-110) – утверждение более чем спорное!

С другой же стороны, мы можем наблюдать «собрание власти», ранее разделенной в рамках «семейного права» Рюриковичей между всеми князьями этого дома, а теперь постепенно возвращавшегося в руки великого князя (о том, какими методами собирал власть и землю Василий II, блестяще написал в своем «Витязе на распутье» А.А. Зимин (Зимин, 1991)). В итоге, как писал А.Е. Пресняков, «единодержавие и самодержавие московских государей явилось итогом собрания раздробленной власти над территорией Великороссии и ее населением» (Пресняков, 1918: 409).

Обращает на себя внимание еще одно противоречие. Во второй главе М. По утверждает, что монголы не оказали сколько-нибудь серьезного влияния на Русь, но в третьей главе, напротив, подчеркивает, что «пока монголы были сильны, <...> московский двор копировал степные манеры», «москвиты переняли степной стиль поведения» (По, 2023: 51). Представляется, что и в этом случае автор «Русского момента» сознательно пожертвовал важными деталями ради красоты выдвинутой им теории. Ведь сам историк не раз подчеркивал прежде культурную разность русского мира и мира ордынского, мира христианского и мира языческого, а затем мусульманского. В таком случае, можно ли вести речь о том, что московский двор (равно как и любой другой княжеский двор) мог перенять степные обычаи и тем самым отказаться от

своей христианской идентичности как главного маркера, позволявшего отличить «своего» от «другого»?

Однако первые три главы «Русского момента» при всех их плюсах и минусах не более чем введение к главной части эссе, поскольку основные концептуальные идеи автора излагаются с четвертой по девятую главы (последняя выступает в роли своего рода послесловия, написанного в жанре исторической альтернативы «что могло бы быть, если...»). И вот что обращает на себя внимание: М. По не то чтобы с ходу отрицает наличие определенных исторических закономерностей, но полагает, что историческая случайность не только существует, но и играет в историческом процессе немаловажную, если не определяющую, роль (9-я глава в основном и посвящена роли случайности в истории). «Некоторые события происходят совершенно случайно, – писал он, – по капризу непредсказуемой судьбы», и многовековой конфликт между Московской Русью и Европой он относит именно к такого рода историческим случайностям. Почему?

Ответ на этот закономерный вопрос в изложении американского исследователя звучит следующим образом: «Люди, создавшие Московскую империю, не выбирали, по крайней мере, осознанно, ее местоположение. Их предки пришли на эти земли в незапамятные времена; территория эта принадлежала их потомкам по праву наследования, и поэтому именно здесь они приступили к строительству своей империи», но «волей судеб они оказались по соседству с цивилизацией нового типа, возникшей в Европе, цивилизацией гораздо более могущественной и опасной, чем какая бы то ни было в истории человечества, и не сыграли никакой роли в ее генезисе» (По, 2023: 53). При этом сам по себе процесс формирования цивилизации нового типа именно в Европе, а не в том же Китае По полагает исторической случайностью. И в этом есть определенный смысл, поскольку трудно не согласиться,

когда историк пишет, что «несмотря на геркулесовы усилия, приложенные к решению данной загадки, ни один историк пока не в состоянии убедительно объяснить, почему экспансионистская, превзошедшая конкурентов в военном смысле, протоиндустриальная цивилизация возникла сначала в Европе, а, например, не в Китае» (По, 2023: 54).

Действительно, попытки объяснить взлет Европы на исходе позднего Средневековья и в раннее Новое время сродни аналогичным попыткам изыскать причины, обусловившие пресловутое «греческое чудо» эпохи античности. Историки могут много рассуждать на эту тему, но, как правило, их объяснения равно причин «чуда греческого», и «чуда европейского» носят обычно ангажированный характер или, в лучшем случае, следуют принципу *post hoc, ergo propter hoc* – ответ подгоняется под уже известный результат (применительно к русской истории подобным образом решается проблема причин возвышения Москвы в XIV–XV вв.).

Вот и в нашем случае М. По, по большому счету, пытаясь дать объяснение упомянутому «европейскому чуду», также сворачивает на эту скользкую дорожку. В его картине мира «пересмотр античной образованности почти во всех областях человеческой деятельности – политике, религии, философии, искусстве, литературе – полностью преобразовал интеллект европейцев» и послужил отправной точкой взлета Европы. Еще более важно, с его точки зрения, что «европейцы познали способ изобретения крайне полезных и могущественных вещей», ибо, «погрузившись в систематическое изучение законов природы, ученые, умельцы и ремесленники Возрождения создали инструменты, во много раз увеличивавшие человеческие возможности <...> научились постоянно улучшать свои изобретения и приспособливать их к менявшимся условиям» (По, 2023: 55).

Орехи в такой трактовке причин и сущности «европейского чуда» видны невооруженным глазом, но самый главный недостаток состоит в том, что М. По не только и не столько сдвигает временные рамки и смешивает воедино достижения разных эпох, от Возрождения до Просвещения и позднее, сколько формулирует ответ, исходя из итогового результата. Ведь если исходить из того, что Россия отставала от Европы в XVI или XVII вв., то в XVIII в. – уже нет, во всяком случае, в экономической сфере, да и в первой половине XIX столетия ее отставание фиксируется при сравнении с той же Великобританией, но от Британии тогда отставали все.

Причины отставания России от Запада в деле модернизации М. По видит в ее бедности и замкнутости. В результате она не могла позволить себе, к примеру, роскошь поддержки предприимчивого класса купцов как одного из важнейших двигателей модернизации, полагал автор «Русского момента», и в итоге экономика Московии оставалась средневековой по своей структуре и характеру. У России мог быть выход, ибо она «могла бы положиться на иностранных купцов и чужеземные методы производства, но, как и в случае культурного импорта, – продолжал далее историк, – ей казалось, что подобные заимствования несут духовную угрозу». В результате, полагал автор «Русского момента», «религиозные предрассудки препятствовали притоку капитала и технологий, которые могли бы стимулировать экономический рост» (По, 2023: 56-58).

И снова представляется, что М. По опять лукавит, не договаривает во избежание разрушения концепции. Так, например, русское купечество раннего Нового времени совсем не чувствовало себя чужим на этом празднике жизни. Один только факт, что оно составляло один из четырех «великих чинов» Русского государства, наряду со священным, служилым и земледельческим

(Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв., 1975: 312), говорит сам за себя. Назвать его консервативным, неповоротливым, приверженным традиционным методам и приемам торговой и финансовой деятельности никак не получается. Напротив, оно было весьма предприимчиво, изворотливо, активно перенимало новшества в коммерческой и финансовой сферах (Бессуднова, 2021: 64-87), ворочая порой немалыми капиталами. Эти капиталы, быть может, были и не сравнимы с богатствами тех же Фуггеров или североитальянских банковских домов, но были достаточными, к примеру, для поддержания активной трансконтинентальной торговли (Монахан, 2024; Kotilaine, 2005). При этом, как подчеркивала Э. Монахан, русское государство не только понимало важность и потенциал торговли, но и активно поддерживало ее и регулировало посредством экономических и внеэкономических, административных мер (Монахан, 2024: 81-82).

Что же касается импорта капиталов и технологий, то здесь любопытную позицию занял И. Валлерстайн. Анализируя процессы складывания европейской мир-экономики в XVI в. и сравнивая Россию и Польшу, он пришел к выводу, что политика русских монархов, прежде всего Ивана Грозного, заключалась в превращении России в империю, обладавшую собственной мир-экономикой, а не в кусок европейского пирога, как это случилось с Польшей. И в этом они преуспели, не допустив превращения России в сырьевую периферию северо-западной Европы (как случилось с той же Польшей), сохранив при этом собственное национальное купечество (Валлерстайн, 2015: 374, 389, 391, 393, 398). И если, предположим. М. По в момент написания «Русского момента» не был знаком с работами Я. Котилейне, Э. Монахан и М.Б. Бессудновой, то вряд ли он не читал И. Валлерстайна и не был знаком с его оценкой торго-

экономической политики того же Ивана Грозного.

Также нельзя согласиться и со следующим пассажем исследователя, который касается так называемой «военной революции» в Западной Европе, выразившейся прежде всего в широком распространении огнестрельного оружия и вызванных им переменах в тактике и стратегии европейских армий (Hale, 1985; The Military Revolution Debate. Readings on the Military Transformation of Early Modern Europe, 1995; Parker, 1988; Roberts, 1967: 195-225 и др.). «Московиты реагировали на этот новый вызов довольно медленно», – утверждает По, подчеркивая, что многочисленные неудачи русских в столкновениях с европейскими армиями в конце XVI – начале XVII вв. были обусловлены тем, что «московиты не умели производить огнестрельное оружие и не знали, как обучить солдат его использованию» (По, 2023: 24). Надо ли еще раз повторять, насколько далеко это утверждение от реальности (Курбатов, 2017; Лобин, 2019; Лобин, 2022; Малов, 2006 и др.)? Положим, М. По не знаком был в момент написания «Русского момента» с работами таких современных российских историков-специалистов по истории русского военного дела в раннее Новое время, как О.А. Курбатов, А.В. Малов или А.Н. Лобин (они начали активно публиковаться после выхода в свет «Правды о Московии» и «Русского момента»), но с классическими работами П.П. Елифанова и в особенности А.В. Чернова он точно должен был быть знаком (Елифанов, 1977; Елифанов, 1979; Чернов, 1954). Ссылаться же на события Смуты и вовсе несерьезно – поражения русских в эти годы были связаны не столько с их военной отсталостью (стоит заметить, что в Смутное время можно сыскать отменные примеры того, как русские активно и успешно перенимали передовой западноевропейский военный опыт и применяли его против иностранных интервентов и собственных «воров»

(Бибииков, 1946: 3-16)), сколько с общим кризисом русской государственности (Курбатов, 2014).

Вместе с тем проблема вызова (точнее, вызовов), перед которым оказалось русское государство и общество в раннее Новое время, остается, и в этом с американским исследователем нельзя не согласиться. Собственно говоря, обозначив эти вызовы в четвертой главе, в последующих главах М. По формулирует основные положения ответа, выработанного русской правящей элитой на них, и объясняет, в чем заключается секрет русской модернизации, почему она смогла устоять перед натиском европейцев, когда ее соседи и современники, «традиционные» империи Великих Моголов, Османская, Сефевидская или Цинь (не говоря уже об американских «империях» ацтеков и инков) – нет.

Прежде всего, считает американский исследователь, на руку московской правящей элите сыграла география. К счастью, как оказалось, Русское государство на первых порах не имело протяженной береговой линии, не граничило непосредственно с могущественными соседями (По, 2023: 63). Неприятель (те же современные европейские армии и флоты) сталкивались с непреодолимым препятствием – временем и расстоянием. А если принять во внимание еще и редкое население, на порядок уступающее по плотности западноевропейскому и даже центрально-европейскому, что создавало столь же непреодолимые проблемы со снабжением, то фактически сердце Русской империи было защищено природой лучше, чем самыми совершенными укреплениями в духе *tracé italienne*, причем совершенно даром.

Вторая причина, позволившая России выжить, заключалась, по мнению М. По, в ее особенном политическом устройстве – автократии или самодержавии. Это главный пункт в его доктрине. Рассмотрим

его основные положения, а затем подвергнем их анализу и критике.

Сперва остановимся на трактовке термина «самодержавие» в изложении автора «Русского момента». Он писал, что «самодержавие представляет собой разновидность монархии: монархия – это единовластие, а самодержавие – неограниченное единовластие», причем, по мнению историка, именно русское самодержавие является идеальным – «в России самодержец не был ограничен ничем, кроме божественного Закона». Правда, дальше он добавляет, что «самодержец должен был считаться с обычаями», но тут же оговаривается, что обычаи «как правило, очень далеки от правовой практики» (По, 2023: 65).

Почему в России сложилось именно самодержавие? По выделяет ряд причин. Первая – заимствование из Византии христианской политической философии, согласно которой самодержец на земле уподобляется Богу на небесах (глухая отсылка к учению Евсевия Кесарийского об императорской власти как подобии власти Божественной). Другая причина связана с суровыми природно-климатическими условиями, ибо «жизнь на севере опасна. Любая ошибка или несчастный случай чреваты замерзанием, голодом или насильственной смертью», почему на Руси не могло быть и речи о какой-либо серьезной личной свободе. Наконец, третья причина – именно самодержавие могло обеспечить единое военное управление. В результате, писал исследователь, «самодержавие позволило военной элите проводить такие реформы, которые не могла бы позволить себе более сложная и более хрупкая политическая система». По той же причине, продолжал далее По, иностранные наблюдатели не видели в России политики как выраженного явственно конфликта организованных групп (впрочем, когда А. Берелович говорит о местничестве как о конфликте не личностей, но «кланов» (Berelowich, 2001: 61, 379, 382, 396), то можно ли считать этот

феномен именно «конфликтом организованных групп», т.е. политикой? – на наш взгляд, вполне), а только лишь рабское повиновение (По, 2023: 66-68). Одним словом, складывание самодержавия как абсолютного единовластия способствовало запуску мобилизационного механизма, посредством которого военная элита Русского государства смогла наверстать военно-техническое отставание от Запада в критический момент. Необходимость же осуществления жестких мобилизационных мер способствовала трансформации социальных структур и институтов – хотя бы, как выразился По, через «национализацию» крестьянского труда и прикрепления его к земле (По, 2023: 70).

Вывод историка: «Используя мобилизационные и организационные средства самодержавия, московский воинский класс вознамерился и оказался в состоянии осуществить то, что не смогли или не захотели сделать инки, ацтеки, турки-османы, Сефевиды, Великие Моголы или империя Цинь: трансформировать общество для защиты собственных интересов <...> Результатом этих реформ стало появление социальной организации, невиданной на земном шаре» (По, 2023: 72).

Своеобразие этой организации состояло, по мнению М. По, в следующем. В Европе государственная система раннего Нового времени возникла естественным путем, посредством эволюции уже существовавших ранее институтов и отношений. В России же политические, административные и иные институты, присущие раннемодеิร์น государственности (автор «Русского момента» выделяет четыре, по его мнению, наиболее важных ее компонента – разветвленная административная система, общественная сфера, протоиндустриальное производство и вооруженная огнестрельным оружием армия), создавались в ходе реформ XVI–XVIII вв. как результат целенаправленной

социальной инженерии, осуществляемой самодержавием. То, что именно государство, говоря словами А.С. Пушкина (которые мы вынесли в заголовок нашего обзора), было «единственным европейцем в России», продвигавшим вперед дело модернизации сверху, составляло главное отличие России от Европы (По, 2023: 74-76, 78). Примечательно, что М. По высоко оценивает деятельность партии большевиков, которая пришла к власти в России в 1917 г. Не замалчивая мрачные стороны их деятельности, он, тем не менее, подчеркивает, что «используя традиционные методы русского государственного строительства, большевики смогли создать важнейшие инфраструктурные характеристики современного общества, какими они были в тогдашней Европе и Америке» (По, 2023: 98). Таким образом, американский исследователь настаивает на том, что партия большевиков, хотя и пыталась доказать, что она не имеет и не хочет иметь ничего общего со своими предшественниками, однако использовала те же методы, что и они, доведя до конца модернизацию русского общества и почти уравнивая Россию с ее западными антагонистами.

Итак, на первый взгляд, М. По удалось (по крайней мере, так считал он в 2003 г.) открыть секрет успеха русской модернизации, перехода от архаики к модерну. И секрет этот состоял в том, что класс «примитивных вояк» (определение, использованное автором «Русского момента») сумел создать политическую систему, которая смогла мобилизовать скудные ресурсы России и ее общества для ответа на вызов со стороны Запада. Ключевое звено этой системы – самодержавие, под которым М. По понимает абсолютную, никем и ничем неограниченную власть, вне зависимости от того, принадлежит ли она царю, императору или генеральному секретарю и политбюро.

Американский историк абсолютизирует роль государства и его персонального (или коллективного, в советском варианте) олицетворения. Вслед за А.С. Пушкиным он приходит к выводу, что именно государство в России и есть единственный европеец, который не стесняется в средствах для осуществления модернизации, которая призвана сохранить Россию перед лицом враждебно настроенного по отношению к ней Запада. Что ж, в стройности и убедительности этой концепции не откажешь, но при одном условии – если не вдаваться в детали российского исторического процесса. А если это сделать, то отмеченные стройность и убедительность предложенной М. По теории начинает расплываться и вызывать больше вопросов, чем ответов.

Прежде всего отметим, что государство как таковое есть понятие историческое, оно меняется со временем, становится более сложно устроенным и могущественным. Звучит банально, но приходится писать об этом, поскольку М. По этот момент никак не оговаривает. Для него государство изначально обладает достаточным влиянием и авторитетом, чтобы навязать свою волю обществу, или, как выразился автор «Русского момента», заняться эффективной «социальной инженерией». При этом американский историк по существу отказывает западным государствам в этой возможности («Европейским монархам в государственном строительстве нужно было прилагать сравнительно мало усилий при создании различных общественных структур. Они просто использовали наличные ресурсы их обществ»), но уверен в том, что в России это было и необходимо, и осуществимо («наоборот, русские, ничем подобным не обладавшие, были вынуждены вплотную заниматься созиданием, применяя методы социальной инженерии» (По, 2023: 76)).

Если следовать логике М. По, московские государи имели дело с некоей аморфной, крайне слабо

структурированной социальной массой («по евразийским стандартам Русь была удивительно однородным обществом: там существовал малочисленный класс воинов, было немного горожан и огромная масса крестьян, охотников и собирателей. Такое положение в основном сохранялось и во времена Московской Руси» (По, 2023: 67)). Из нее они, используя те самые методы «социальной инженерии» (откуда они взялись, непонятно, ведь сам историк пишет, что у московитов «не было ни философии, ни науки, ни политической теории» (По, 2023: 56), ergo, надо вести речь о «русском чуде»), создавали необходимые институты и отношения, посредством которых они закладывали основы пресловутого «Русского момента» М. По так и пишет: «В государстве <...> не было таких групп, которые бы не создал он [самодержец. – Т.П.] сам и которые он бы не поддерживал». Но те «статусные группы», о которых писал несколькими строками выше американский историк (надо полагать, он имел в виду упоминавшиеся нами выше московские «четыре великих чина», черное и белое духовенство, служилые люди, купечество и крестьянство) – они созданы монархом или же монархи лишь узаконили, придали легальный характер тем социальным общностям и структурам, которые благополучно существовали до них?

Вопрос этот немаловажен, поскольку характер ответа на него во многом определяет и отношение к концепции М. По. Широкомасштабное и эффективное применение методов социальной инженерии предполагает, что государство в лице самодержца (и/или военной элиты? Но тогда самодержавие, получается, не такое уж и самодержавие, раз оно рассеивается среди множества участников политического процесса) располагает и соответствующим инструментарием, и необходимыми ресурсами, и надлежащим отрефлексированным и принявшим вид некоей теории опытом – всем тем, что позволяет ему форматировать

«удивительно однородное общество» по своему разумению вне зависимости, хотят ли это общество перестраиваться или нет.

Допустим, что это так. Но вот российский историк К.В. Петров в 2008 г. отмечал, что «возможности российского государства (как институционального образования) в XVI–XVII вв. в различных сферах общественных отношений были неодинаковы и целиком зависели от конкретной политической ситуации: была фактическая возможность – было принуждение, не было возможности – отношения строились на другой основе», так что «слабой была не власть Ивана III или Василия III над своими боярами, *относительно слабым было государство в возможности осуществлять меры принуждения в отношении населения ...* (курсив мой. – Т.П.)» (Петров, 2008: 376).

Итак, есть мнение, что Русское государство было институционально слабым и, следовательно, оно не могло играть ту определяющую роль в жизни общества, о которой пишет М. По. На чем основывается такая точка зрения? Прочитав другого отечественного историка, Н.Н. Покровского. В 1991 г., в предисловии к биографическому очерку об Иване III за авторством известного отечественного историка Ю.Г. Алексева он писал, что во второй половине XV в. складывается характерная система власти в Русском государстве, которая основывалась «не на единственном понятии “государство”, а на двух понятиях – “государство” и “общество”, на продуманной системе не только прямых, но и обратных связей между ними». Эта система, продолжал далее историк, сложилась задолго до Ивана III: «Сословный строй феодальных государств, включая княжества Северо-Восточной Руси, предполагал членение самих сословий на отдельные, чаще всего самоуправляющиеся структуры», посредством которых «человек включался во всю систему сословно-представительного государства». Что это

были за структуры, Н.Н. Покровский расшифровывает следующим образом: «Это общины крестьян, горожан, дворянские землячества, церковные корпорации и т.д.». И поскольку «центральная государственная власть того времени не была в состоянии доходить до каждой отдельной личности», то она неизбежно должна была «опираться на эти первичные социальные общности» (и даже скорее не столько опираться, сколько взаимодействовать с ним в интересах «общего блага» (Швейковская, 2012: 251-290)). Самый важный вывод, имеющий прямое отношение к «Русскому моменту», который делает Н.Н. Покровский из своих наблюдений, состоит в том, что при таких раскладах эти первичные социальные организмы неизбежно сохраняли значимую роль в политической системе страны (Алексеев, 1991: 6). В таком случае позиция К.В. Петрова становится понятной. В условиях, когда так называемые «жилы власти» (административная и иная инфраструктура, посредством которой верховная власть может навязывать свое мнение обществу) развиты крайне слабо, вести речь о той самой социальной инженерии по меньшей мере преждевременно. Процесс формирования властной «мускулатуры», той же центральной бюрократии, аппарата насилия, фискальных и юридических институтов, а также структур, посредством которых верховная власть контролировала и направляла развитие ситуации на местах, растянулся в «самодержавной» России на несколько столетий. Но даже в своей наивысшей точке развития, при Николае I, полностью вытеснить из сферы управления элементы самоуправления не получилось, не говоря уже о том, что сама бюрократия превратилась в самодовлеющую и во многом независимую от верховной власти силу. Случайно ли Николаю I приписывают фразу о том, что Россией правит не он, а 40 тысяч столоничальников?

В результате власть на протяжении длительного времени должна была так или

иначе согласовывать свои действия с мнением тех самых «первичных социальных общностей», о которых писал Н.Н. Покровский. Попытка отрицать это мнение могла для власти завершиться не самым лучшим образом – не только Смутное время свидетельствует об этом, но и история, как ни парадоксальным может показаться это утверждение, правления Ивана Грозного, не говоря уже об Алексее Михайловиче и его «бунташном» времени.

Правда, справедливости ради, отметим, что для русского раннемодерного общества была характерна черта, которая облегчала верховной власти реализацию планов модернизации. Эта черта была отмечена В.О. Ключевским, который писал о том, что, в отличие от Европы, где государственный порядок основывался или на сочетании сословных прав с сословными же обязанностями (Европа Западная), или сосредоточением прав у одних сословий, а обязанностей у других (Европа Центральная и Восточная), то в Русском государстве этот порядок базировался на разверстке между общественными «классами» одних лишь обязанностей без прав (Ключевский, 1989б 310).

Однако и в этом случае есть нюанс, на который указывал упоминавшийся нами выше Ю.Г. Алексеев. В отличие от В.О. Ключевского, который абсолютизировал в своей «Истории сословий в России» значение разверстанных между чинами обязанностей, Ю.Г. Алексеев, характеризуя сущность раннемодерного Русского государства, подчеркивал его земско-служильный характер. Но при этом, по его мнению, в основе этого государства лежали патерналистские отношения между государем и его подданными (что, впрочем, не удивительно, учитывая глубоко патриархальный характер и русского общества, и государства той эпохи, о чем неоднократно писал и М. По).

Эта патриархальность и патернализм, полагал историк, вели к тому, что на Руси не сложилось столь характерной для

Западной Европы системы договорных отношений между верховной властью и первичными социальными структурами, почему сословий в привычном для нас смысле этого слова на Руси не было. Но, продолжал далее Ю.Г. Алексеев, при всем при том «сословия на Руси были – достаточно широкие социальные группы с определенными комплексами прав и обязанностей, передаваемыми по наследству [от себя добавим: зафиксированных не в грамотах и хартиях, но в «старине». – Т.П.]...» (Алексеев, 2001: 433). При этом необходимо подчеркнуть (это имеет прямое отношение к социальной инженерии), как писал отечественный медиевист А.Я. Гуревич, эти социальные группы обладали собственными регламентами (уставами, статутами, кодексами поведения, необязательно писаными, но обязательными для соблюдения членами группы). И *эти регламенты*, продолжал далее А.Я. Гуревич, *не спускались корпорации сверху властью, но вырабатывались самой этой группой* (курсив мой. – Т.П.) и основывались на принципах всеобщего согласия и самоуправления (Гуревич, 2007: 155).

Итак, на рубеже позднего Средневековья – раннего Нового времени государства (неважно, Русское или любое другое европейское) имело дело с обществом, которое представляло собой иерархию разнородных «корпораций» (об этом говорят и русист Ю.Г. Алексеев, и медиевист А.Я. Гуревич). И каждая из этих «корпораций» обладала своим «регламентом» и местом в социальной иерархии, закрепленными и освященными традицией, «стариной», но никак не государством. Могло ли государство нарушить эту традицию и наступить на права и привилегии «корпораций», не обладая развитой «мускулатурой»? Очевидно, это было ему не по силам ни в XV, ни в XVI, ни в XVII в. И лишь в начале XVIII в., когда Петр I предпринял масштабную попытку построения в России

«регулярного» «полицейского» государства по западноевропейским лекалам, наметился определенный поворот в сторону самодержавия в том его смысле, который придавал этому термину М. По. Но даже и тогда «прямое» самодержавие в России больше оставалось больше декларацией, нежели реальностью, в особенности в эпоху пресловутых «дворцовых переворотов». На наш взгляд, главная проблема автора «Русского момента» в том, что он слишком абстрагируется от частных и в итоге оперирует с идеальными вневременными моделями того же «самодержавия», государства или «военного класса», которые в реальности не существовали (на что указывал, в частности, Ч. Гальперин в отзыве на «Правду о Московии» (Halperin, 2002: 502-503, 503-505, 505-506, 507). При столкновении с реальностью эти идеальные типы перестают функционировать так, как рассчитывал М. По, разрушая тем самым саму основу его концепции.

Итак, подведем итоги. Выдвинутая М. По концепция русской модернизации («Русского момента»), ее предпосылки, причин и особенностей, безусловно, привлекает своей стройностью и простотой. На первый взгляд, в особенности, если «Русские момент» берется читать неспециалист по русской истории, она производит впечатление универсальной отмычки, раскрывающей, наконец, секрет русской загадки, завернутой в тайну и помещенной внутрь головоломки. Становится понятной популярность концепции М. По, изложенной легко и непринужденно, в противовес громоздким академическим построениям, среди студентов и бакалавров (на что указывал И.И. Курилла).

Однако эта простота имеет и обратную сторону, которая играет отнюдь не на пользу основной идее «Русского момента». История – чрезвычайно непростой и многомерный процесс, чтобы было возможно дать простой и короткий ответ на сложные вопросы исторического

бытия. И русский случай относится именно к такого рода казусам. Упрощая проблему, сводя сущности к минимуму, используя абстрактные вневременные идеальные модели, автор «Русского момента» ради красоты идеи жертвует объективностью и фактами красивой схеме, а тем самым подрывает ее основу и доверие к ней. Концепция М. По содержит ряд интересных (но вместе с тем нельзя сказать, чтобы совсем уж оригинальных и не имеющих аналогов – для тех, кто более или менее хорошо знаком с историографией проблемы) наблюдений и умозаключений, привлекающих внимание и придающих ей правдоподобность и убедительность. Однако отмеченные выше врожденные недостатки выдвинутой американским историком концепции делают ее, на наш взгляд, лишь любопытным историографическим артефактом.

Литература

- Алексеев, Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск: Наука, 1991. 240 с.
- Бессуднова, М.Б. Русско-ганзейская торговля в первой половине XVI века. СПб.: Евразия, 2021. 480 с.
- Бибиков, Г.Н. Опыт военной реформы 1609–1610 гг. // Исторические записки. 1946. № 19. С. 3-16.
- Большакова, О.В. По М. Русский момент в мировой истории. Pое M. The Russian moment in world history. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2003. 94 p. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. 2005. № 2. С. 28-39.
- Валлерстайн, И. Мир-система Модерна I. Т. I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. 552 с.
- Вульф, Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М.: Новое литературное обозрение, 2003. 560 с.
- Гумилев, Л.Н. От Руси к России: Очерки этнической истории. М.: Айрис-Пресс, 2016. 318 с.

- Гумилев, Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Айрис-Пресс; Рольф, 2001. 560 с.
- Гуревич, А.Я. Категории средневековой культуры // Гуревич А.Я. Избранные труды. Средневековый мир. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2007. С. 17-262.
- Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв. М.: Наука, 1975. 345 с.
- Древнейшие государства Восточной Европы. 2015 год: Экономические системы Евразии в раннее Средневековье. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2017. 496 с.
- Дулов, А.В. Географическая среда и история России. Конец XV – середина XIX в. М.: Наука, 1983. 256 с.
- Епифанов, П.П. Войско. Оружие. Крепости // Очерки русской культуры XVII века. Ч. 1. М.: Изд-во МГУ, 1979. С. 234-296.
- Епифанов, П.П. Оружие и снаряжение. Крепости. Войско и военная организация // Очерки русской культуры XVI века. Ч. 1: Материальная культура. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. С. 292-380.
- Живов, В.М. Особенности рецепции византийской культуры в древней Руси // Живов В.М. Разыскания в области истории и предистории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 73-115.
- Зимин, А.А. Витязь на распутье. М.: Мысль, 1991. 286 с.
- Иванов, С.А. Византийское миссионерство: Можно ли из «варвара» сделать христианина? М.: Языки славянской культуры, 2003. 376 с.
- Ключевский, В.О. История сословий в России // Ключевский В.О. Сочинения: В 9 т. Т. VI: Специальные курсы. М.: Мысль, 1989. 476 с.
- Кривошеев, Ю.В. Русь и монголы. Исследование по истории Северо-Восточной Руси XII–XIV вв. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1999. 408 с.
- Кульпин, Э.С. Путь России. Кн. 1. М.: Московский лицей, 1995. 200 с.
- Курбатов, О.А. Военная история русской Смуты начала XVII века. М.: Квадрига, 2014. 240 с.
- Курбатов, О.А. Военные реформы в России второй половины XVII века. М.: Квадрига, 2017. 301 с.
- Курилла, И. Фантазии о приятном [Электронный ресурс]. URL: <https://goriky.media/reviews/fantazii-o-priyatnom/> (дата обращения: 25.06.2024 г.).
- Лебедев, Г.С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси. СПб.: Евразия, 2005. 640 с.
- Лобин, А.Н. Артиллерия Ивана Грозного. М.: Эксмо, 2019. 320 с.
- Лобин, А.Н. Пушки первых Романовых. Русская артиллерия 1619–1676 гг. М.: Эксмо, 2022. 288 с.
- Малов, А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории, 1656–1671 гг. М.: Древлехранилище, 2006. 622 с.
- Милов, Л.В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М.: РОССПЭН, 2001. 576 с.
- Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII–XX в.). Т. 1: Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 548 с.
- Монахан, Э. Сибирские купцы. Торговля в Евразии раннего Нового времени. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 568 с.
- Нойманн, И. Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейской идентичности. М.: Новое издательство, 2004. 336 с.
- Оболенский, Д. Византийское содружество. Шесть византийских портретов. М.: Янус-К, 1998. 655 с.
- Петров, К.В. Имел ли Судебник 1497 г. значение закона в его современном понимании? (По поводу статьи С.Н. Кистерова «Великокняжеский Судебник 1497 г. и судебная практика первой половины XVI в.») // Очерки феодальной России. Вып. 12. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2008. С. 365-382.
- По, М. Русский момент в истории. М.: Весь мир, 2023. 136 с.
- Пресняков, А.Е. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII–XV столетий. Петроград: Типография Я. Башмакова и К^о, 1918. 458 с.
- Русь в IX–XIV веках. Взаимодействие Севера и Юга. М.: Наука, 2005. 326 с.
- Русь и Восток в IX–XVI веках. Новые археологические исследования. М.: Наука, 2010. 265 с.

Саид, Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мир, 2006. 637 с.

Соловьев, С.М. История России с древнейших времен. Т. 13 // Соловьев С.М. Сочинения: В 18 кн. Кн. VII. М.: Мысль, 1991. С. 7-352.

Узлов, Ю.А. Европейская и российская цивилизации: опыт сравнительного анализа // Общество: социология, психология, педагогика. 2011. № 3-4. С. 30-37.

Чернов, А.В. Вооруженные силы русского государства в XV–XVII вв. М.: Воениздат, 1954. 224 с.

Швейковская, Е.Н. Русский крестьянин в доме и мире: северная деревня конца XVI – начала XVIII века. М.: Индрик, 2012. 368 с.

Berelowich, A. La hierarchie des egaux. La noblesse russe d'Ancien Regime (XVIe–XVIIe siecles). Paris: Editions du Seuil, 2001. 480 p.

Brower, D.R. The Russian Moment in World History. By Marshall T. Poe. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2003. 116 + XV pp. // Journal of World History. 2004. Vol. 15. No. 3. Pp. 389-391.

Cherniavsky, M. Khan or Basileus: An Aspect of Russian Mediaeval Political Theory // Journal of the History of Ideas. 1959. Vol. 20. No. 4. Pp. 459-476.

Christian, D. The Russian Moment in World History. By Marshall T. Poe. Princeton: Princeton University Press, 2003. xviii, 116 pp. // Slavic Review. 2004. Vol. 63. No. 4. Pp. 880-881.

Dukes, P. Marshall T. Poe. The Russian Moment in World History. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2003. xv, 116 pp. Maps. Chronology. Bibliographic Note. Index. Paper // Canadian Slavonic Papers. 2006. Vol. 48. Iss. 3/4. Pp. 428-429.

Hale, J.R. War and Society in Renaissance Europe, 1450–1620. N.-Y.: St. Martin's Press, 1985. 282 p.

Halperin, Ch. Muscovy as a Hypertrophic State: A Critique // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2002 (New Series). Vol. 3. No. 3. Pp. 501-507.

Hellie, R. "A People Born to Slavery": Russia in Early Modern European Ethnography, 1476–1748. By Marshall T. Poe. Studies of the Harriman Institute, Columbia University. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2000. Pp. xi + 293; The Russian Moment in World History. By Marshall T. Poe. Princeton, NJ: Princeton

University Press, 2003. Pp. xv + 116 // The Journal of Modern History. 2005. Vol. 77. No. 4. Pp. 1163-1166.

Kivelson, V. On Words, Sources, and Historical Method: Which Truth about Muscovy? // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2002 (New Series). Vol. 3. No. 3. Pp. 487-499.

Kollmann, N.S. Crime and Punishment in Early Modern Russia. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 504 p.

Kotilaine, J. Russia's foreign trade and economic expansion in the seventeenth century. Leiden: Brill Academic Publishers, 2005. 611 p.

LeDonne, J.P. Marshall T. Poe. The Russian Moment in World History. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2003. Pp. xv, 116 // The International History Review. 2005. Vol. 27. No. 1. Pp. 130-132.

Legvold, R. The Russian Moment in World History by Marshall T. Poe. Princeton: Princeton University Press, 2003, 144 pp. // Foreign Affairs. 2004. Vol. 83. No. 1. P. 180.

Parker, G. The Military Revolution. Military innovation and the Rise of the West, 1500–1800. Cambridge: Cambridge University Press, 1988. 234 p.

Perrie, M. Poe, Marshall T., The Russian Moment in World History // European History Quarterly. 2004. Vol. 34. No. 4. Pp. 553-555.

Poe, M. T. (2003), *The Russian Moment in World History*. Princeton University Press, Princeton, N.-Y.

Poe, M. The Truth about Muscovy // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2002 (New Series). Vol. 3. No. 3. P. 473-486.

Roberts, M. The Military Revolution, 1560–1660 // Roberts, M. Essays in Swedish History. London: Weidenfeld and Nicolson, 1967. Pp. 195-225.

The Military Revolution Debate. Readings on the Military Transformation of Early Modern Europe. Boulder: Westview Press, 1995. 387 p.

References

Alekseev, Yu. G. (1991), *Gosudar vseya Rusi* [Sovereign of All Rus], Nauka, Novosibirsk, Russia (in Russ.).

Berelovich, A. (2001), *La hierarchie des egaux. La noblesse russe d'Ancien Regime (XVIe–XVIIe siecles)* [The hierarchy of equals. The Russian nobility of the Ancien Régime (16th–17th

centuries)], Editions du Seuil, Paris, France (in French).

Bessudnova, M. B. (2021), *Russko-ganzeyskaya trgovlya v pervoy polovine XVI veka* [Russian-Hansean trade in the first half of the 16th century], Evraziya, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Bibikov, G. N. (1946), “Experience of military reform 1609-1610”, *Istoricheskie zapiski* [Historical notes], 19, 3-16 (in Russ.).

Bolshakova, O. V. (2005), “Po M. Russian moment in world history. Poe M. The Russian moment in world history. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2003. 94 p.”, *Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 5: History*, 2, 28-39 (in Russ.).

Brower, D. R. (2004), “The Russian Moment in World History. By Marshall T. Poe. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2003. 116 + XV pp.”, *Journal of World History*, 15 (3), 389-391.

Cherniavsky, M. (1959), “Khan or Basileus: An Aspect of Russian Mediaeval Political Theory”, *Journal of the History of Ideas*, 20 (4), 459-476.

Chernov, A. V. (1954), *Vooruzhennye sily russkogo gosudarstva v XV–XVII vv.* [Armed forces of the Russian state in the 15-17th centuries], Voenizdat, Moscow, Russia (in Russ.).

Christian, D. (2004), “The Russian Moment in World History. By Marshall T. Poe. Princeton: Princeton University Press, 2003. xviii, 116 pp.”, *Slavic Review*, 63 (4), 880-881.

Drevneyshie gosudarstva Vostochnoy Evropy. 2015 god: Ekonomicheskie sistemy Evrazii v rannee Srednevekovye (2017) [The most ancient states of Eastern Europe. 2015 Economic systems of Eurasia in the early Middle Ages], Russky fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, Moscow, Russia (in Russ.).

Dukes, P. (2006), “Marshall T. Poe. The Russian Moment in World History. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2003. xv, 116 pp. Maps. Chronology. Bibliographic Note. Index. Paper”, *Canadian Slavonic Papers*, 48 (3/4), 428-429.

Dulov, A. V. (1983), *Geograficheskaya sreda i istoriya Rossii. Konets XV– seredina XIX v.* [Geographical environment and history of Russia. The end of the 15th – the middle of the 19th century], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Dvoryanstvo i krepostnoy stroy Rossii XVI–XVIII vv. (1975), [Nobility and serfdom in Russia

in the 16th–18th centuries], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Epifanov, P. P. (1977), “Weapons and equipment. Fortresses. Army and military organization”, *Ocherki russkoy kultury XVI veka Ch. 1: Materialnaya kultura* [Essays on Russian culture of the 16th century. Ch. 1: Material Culture], Moscow State University Publishing House, Moscow, Russia, 292-380 (in Russ.).

Epifanov, P. P. (1979), “Weapon. Fortresses”, *Ocherki russkoy kultury XVII veka. Ch. 1* [Essays on Russian culture of the 17th century. Ch. 1.], Moscow State University Publishing House, Moscow, Russia, 234-296 (in Russ.).

Gumilev, L. N. (2001), *Etnogenez i biosfera Zemli* [Ethnogenesis and biosphere of the Earth], Ayris-Press; Rolf, Moscow, Russia (in Russ.).

Gumilev, L. N. (2016), *Ot Rusi k Rossii: Ocherki etnicheskoy istorii* [From Rus to Russia: Essays on Ethnic History], Ayris-Press, Moscow, Russia (in Russ.).

Gurevich, A. Ya. (2007), “Categories of medieval culture”, *Izbrannye trudy. Srednevekovy mir* [Selected works. Medieval world], Publishing House of St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia, 17-262 (in Russ.).

Hale, J. R. (1985), *War and Society in Renaissance Europe, 1450–1620*, St. Martin's Press, N.-Y.

Halperin, Ch. (2002), “Muscovy as a Hypertrophic State: A Critique”, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 3 (3), 501-507.

Hellie, R. (2005), “‘A People Born to Slavery’: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476-1748. By Marshall T. Poe. Studies of the Harriman Institute, Columbia University. Ithaca, NY: Cornell University Press, 2000. Pp. xi + 293; The Russian Moment in World History. By Marshall T. Poe. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2003. Pp. xv + 116”, *The Journal of Modern History*, 77 (4), 1163-1166.

Ivanov, S. A. (2003), *Vizantiyskoe missionerstvo: Mozhno li iz “varvara” sdelat' khristianina?* [Byzantine missionary work: Is it possible to make a Christian out of a “barbarian”?] *Yazyki slavyanskoy kultury*, Moscow, Russia (in Russ.).

Kivelson, V. (2002), “On Words, Sources, and Historical Method: Which Truth about Muscovy? in *Kritika: Explorations*”, *Russian and Eurasian History*, 3 (3), 487-499.

Klyuchevskiy, V. O. (1989), "History of estates in Russia", *Sochineniya: V 9 t. T. VI: Spetsialnye kursy* [Works: In 9 vols. Vol. VI: Special courses], Mysl', Moscow, Russia (in Russ.).

Kollmann, N. S. (2012), *Crime and Punishment in Early Modern Russia*, Cambridge University Press, Cambridge.

Kotilaine, J. (2005), *Russia's foreign trade and economic expansion in the seventeenth century*, Brill Academic Publishers, Leiden, Netherlands.

Krivosheev, Yu. V. (1999), *Rus i mongoly. Issledovanie po istorii Severo-Vostochnoy Rusi XII-XIV vv.* [Rus' and the Mongols. Research on the history of North-Eastern Rus XII-XIV centuries], Publishing House of St. Petersburg University, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Kulpin, E. S. (1995), *Put Rossii. Kn. 1* [The path of Russia. Book 1], Moskovskiy litsey, Moscow, Russia (in Russ.).

Kurbatov, O. A. (2014), *Voennaya istoriya russkoy Smuty nachala XVII veka* [Military history of the Russian Troubles of the early 17th century], Kvadriga, Moscow, Russia (in Russ.).

Kurbatov, O. A. (2017), *Voennye reformy v Rossii vtoroy poloviny XVII veka* [Military reforms in Russia in the second half of the 17th century], Kvadriga, Moscow, Russia (in Russ.).

Kurilla, I. *Fantazii o priyatnom* [Fantasies about pleasant things] [Online], available at: <https://gorky.media/reviews/fantazii-o-priyatnom/> (Accessed 25 June 2024) (in Russ.).

Lebedev, G. S. (2005), *Epokha vikingov v Severnoy Evrope i na Rusi* [The Viking Age in Northern Europe and Rus], Evraziya, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

LeDonne, J. P. (2005), "Marshall T. Poe. The Russian Moment in World History. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2003. Pp. xv, 116", *The International History Review*, 27 (1), 130-132.

Legvold, R. (2004), "The Russian Moment in World History by Marshall T. Poe. Princeton: Princeton University Press, 2003, 144 pp.", *Foreign Affairs*, 83 (1), 180.

Lobin, A. N. (2019), *Artilleriya Ivana Groznogo* [Artillery of Ivan the Terrible], Eksmo, Moscow, Russia (in Russ.).

Lobin, A. N. (2022), *Pushki pervykh Romanovykh. Russkaya artilleriya 1619-1676 gg.* [Guns of the first Romanovs. Russian artillery

1619-1676], Eksmo, Moscow, Russia (in Russ.).

Malov, A. V. (2006), *Moskovskie vybornye polki soldatskogo stroya v nachalnyy period svoey istorii, 1656-1671 gg.* [Moscow elective regiments of the soldiery in the initial period of their history, 1656-1671], Drevlekhranilishche, Moscow, Russia (in Russ.).

Milov, L. V. (2001), *Velikorusskiy pakhar i osobennosti rossiyskogo istoricheskogo protsessa* [The Great Russian plowman and the features of the Russian historical process], ROSSPEN, Moscow, Russia (in Russ.).

Mironov, B. N. (2003), *Sotsialnaya istoriya Rossii T. 1: Genезis lichnosti, demokraticheskoy semi, grazhdanskogo obshchestva i pravovogo gosudarstva* [Social history of Russia. Vol. 1: The genesis of the individual, the democratic family, civil society and the rule of law], Dmitriy Bulanin, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Monakhan, E. (2024), *Sibirskie kuptsy. Torgovlya v Evrazii rannego Novogo vremeni* [Siberian merchants. Trade in early modern Eurasia], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.).

Neumann, I. (2004), *Ispolzovanie "Drugogo". Obrazy Vostoka v formirovanii evropeyskoy identichnosti* [Using the "Other". Images of the East in the formation of European identity], Novoe izdatel'stvo, Moscow, Russia (in Russ.).

Obolenskiy, D. (1998), *Vizantiyskoe sodruzhestvo. Shest' vizantiyskikh portretov* [Byzantine Commonwealth. Six Byzantine portraits], Yanus-K, Moscow, Russia (in Russ.).

Parker, G. (1988), *The Military Revolution. Military innovation and the Rise of the West, 1500-1800*, Cambridge University Press, Cambridge.

Perrie, M. (2004), "Poe, Marshall T., The Russian Moment", *World History in European History Quarterly*, 34 (4), 553-555.

Petrov, K. V. (2008), "Did the Code of Law of 1497 have the meaning of law in its modern understanding? (Regarding the article by S. N. Kisterev "The Grand Duke's Code of Law of 1497 and judicial practice of the first half of the 16th century")", *Ocherki feodal'noy Rossii. Vyp. 12* [Essays on feudal Russia. Iss. 12], Al'yans-Arkeo, Moscow, St. Petersburg, Russia, 365-382 (in Russ.).

Poe, M. (2023), *Russkiy moment v istorii* [The Russian Moment in World History], Ves' mir, Moscow, Russia (in Russ.).

Poe, M. T. (2003), *The Russian Moment in World History*. Princeton University Press, Princeton, N.-Y.

Poe, M. (2002), “The Truth about Muscovy”, *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*, 3 (3), 473-486.

Presnyakov, A. E. (1918), *Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII-XV столетий* [Formation of the Great Russian State. Essays on the history of the 13th–15th centuries], Printing House of Ya. Bashmakov and Ko, Petrograd, Russia (in Russ.).

Roberts, M. (1967), “The Military Revolution, 1560-1660”, *Essays in Swedish History*, Weidenfeld and Nicolson, London, 195-225.

Rus i Vostok v IX–XVI vekax. Novye arheologicheskie issledovaniya (2010), [Rus and the East in the 9th–16th centuries. New archaeological research], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Rus v IX–XIV vekakh. Vzaimodeystvie Severa i Yuga (2005) [Rus' in the 9th-14th centuries. Interaction between North and South], Nauka, Moscow, Russia (in Russ.).

Said, E. (2006), *Orientalizm. Zapadnye kontseptsii Vostoka* [Orientalism. Western concepts of the East], Russkiy Mir, St. Petersburg, Russia (in Russ.).

Shveykovskaya, E. N. (2012), *Russkiy krestyanin v dome i mire: severnaya derevnya kontsa XVI – nachala XVIII veka* [Russian peasant at home and in the world: a northern village of the late 16th – early 18th centuries], Indrik, Moscow, Russia (in Russ.).

Solovyov, S. M. (1991), “History of Russia from ancient times. Vol. 13”, *Sochineniya: V 18 t. Kn. VII* [Essays: In 18 vols. Book VII], Mysl, Moscow, Russia, 7-352 (in Russ.)

The Military Revolution Debate. Readings on the Military Transformation of Early Modern Europe (1995), Westview Press, Boulder.

Uzlov, Yu. A. (2011), “European and Russian civilizations: experience of comparative analysis”, *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 3-4, 30-37 (in Russ.).

Vulf, L. (2003), *Izobretaya Vostochnuyu Evropu: karta tsivilizatsii v soznanii epokhi Prosveshcheniya* [Inventing Eastern Europe: a map of civilization in the consciousness of the Enlightenment], Novoe literaturnoe obozrenie, Moscow, Russia (in Russ.).

Wallerstein, I. (2015), *Mir-sistema Moderna I. T. I. Kapitalisticheskoe selskoe khozyaystvo i istoki evropeyskogo mira-ekonomiki v XVI veke* [World-system of Modernity I. T. I. Capitalist agriculture and the origins of the European world-economy in the 16th century], Russkiy fond sodeystviya obrazovaniyu i nauke, Moscow, Russia (in Russ.).

Zhivov, V. M. (2002), “Features of the reception of Byzantine culture in ancient Rus”, *Razyskaniya v oblasti istorii i predystorii russkoy kultury* [Research in the field of history and prehistory of Russian culture], Yazyki slavyanskoy kultury, Moscow, Russia, 73-115 (in Russ.).

Zimin, A. A. (1991), *Vityaz na rasputye* [Knight at a crossroads], Mysl, Moscow, Russia (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: автор не имеет конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the author has no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРЕ:

Пенская Татьяна Михайловна,

кандидат исторических наук, доцент, кафедра теории и истории государства и права, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, ул. Победы, д. 85, г. Белгород, 308015, Россия; penskaya@bsu.edu.ru

ABOUT THE AUTHOR:

Tatyana M. Penskaya, Cand. Sci. (History),

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Belgorod State National Research University, 85 Pobedy St., Belgorod, 308015, Russian Federation; penskaya@bsu.edu.ru